

А. В. Сидорович

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МЕТАФОР ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

Творчество Льюиса Кэрролла, чья «Алиса в Стране Чудес» стала эталоном литературного абсурда, представляет собой уникальный вызов для переводчиков и требуют не только языковой точности, но и глубокой культурной адаптации. Русские переводчики, включая Владимира Набокова, Нину Демурову и Бориса Заходера, демонстрируют разнообразие стратегий – от буквального следования оригиналу до творческой трансформации образов. Анализ их подходов позволяет понять, как «чужое» становится «своим» в ином культурном контексте, сохраняя при этом дух кэрролловского абсурда. Одной из ключевых метафор является фраза «*Mad as a hatter*», отсылающая к историческому контексту отравления ртутью среди английских шляпников. В. Набоков в своем переводе заменяет идиому на «урла как шляпник», используя архаичное слово «урла» для придания славянского колорита, хотя исторический подтекст стирается (Набоков, 1989). Нина Демурова сохраняет буквальность – «безумен как Шляпник», жертвуя культурной спецификой ради формальной точности (Демурова, 1967). Борис Заходер выбирает компромисс: «Сумасшедший Шляпник» акцентирует характер персонажа, адаптируя образ для детского восприятия (Заходер, 1971). Философский диалог Алисы с Гусеницей «*Who are you?*» раскрывает метафору идентичности. Н. Демурова сохраняет метафизический подтекст: «Я не могу объяснить себя, потому что я не я». Заходер упрощает вопрос, переводя его в плоскость взросления: «Я сама не знаю, кто я! Утром была одной, днем – другой...». Эпизод с игрой в крокет становится яркой метафорой абсурдности власти и социальных условностей. В оригинале Кэрролл пишет: ««...*the balls were live hedgehogs, the mallets live flamingoes*», пародируя викторианские аристократические развлечения, где формальные правила противоречат здравому смыслу. Этот образ, однако, требовал культурной адаптации в русских переводах. В. Набоков заменяет экзотических фламинго на знакомых русскому читателю цапель: «Вместо клюшек – цапли, вместо шаров – ежи». Такая замена сохраняет абсурдность сцены, но придает ей локальный колорит, смягчая культурную дистанцию. Борис Заходер, напротив, усиливает комический эффект через восклицательные конструкции: «Фламинго – это клюшка, а ёж – это шар!». Его перевод акцентирует детский восторг от нелепости, превращая сатиру на власть в игровую гиперболу. Таким образом, оба переводчика интерпретируют метафору Кэрролла через призму культурных кодов своей аудитории, сохраняя суть абсурда, но наполняя его новыми смыслами. Таким образом, русские переводы «Алисы» раскрывают многогранность культурной адаптации. Набоков и Яхнин «русифицируют» текст, вплетая в него локальные метафоры и фольклорные мотивы. Демурова выступает как хранитель «чужого», предлагая читателю самостоятельно расшифровать викторианские аллюзии. Б. Заходер находит баланс, превращая абсурд в игру, понятную ребенку.